

Несколько раз слова «Какое тебе дело?» вертелись на кончике языка, но в конце концов она глубоко вдохнула и проглотила их.

С поклоном она склонилась, скрывая холод в глазах за рукавом, и мягким, почтительным голосом произнесла:

— Я слышала, что старший брат Чэн пострадал от рук злодеев, и пришла проведать его.

— Ну, смотри, только не трогай защитный барьер.

Её поведение было безупречным, но отношение Чэн Сюня оставалось холодным. Он бросил эти слова и отвернулся, словно даже смотреть на неё не хотел.

У этого человека что-то не так с головой...

Чжун Минчжу мысленно пробормотала. И в школе, и за её пределами все, кто слышал имя феи Чан Ли, относились к ней с большим уважением. Даже те, чьё мастерство превосходило мастерство Чан Ли, не были исключением. Она впервые встретила человека, который, услышав имя Чан Ли, нахмурился.

Этот человек был её старшим наставником. Её первой мыслью было, что Чан Ли могла с ним поссориться, но, подумав, она поняла, что это невозможно.

Чан Ли впервые покинула пик Тяньтай в тот день, когда напал Цяньмянь Янь. В то время Чэн Сюнь уже был в Цзяояо. Они, вероятно, даже не видели друг друга, а если и видели, то только тогда, когда Чан Ли была ещё младенцем, когда У Хуэй принёс её на гору Юньфу. Какой младенец мог с кем-то поссориться?

Всё, что было связано с Чан Ли, вызывало у неё интерес. Рассеянно глядя на лежащего без сознания Чэн Лина, она размышляла, стоит ли спросить об этом, но, подняв глаза и увидев выражение лица Чэн Сюня, поняла, что, если заговорит, её просто выгонят.

Она могла только почесать нос и временно подавить это настойчивое желание.

— Старший наставник Чэн, старший брат Чэн был ранен Истинным огнём самадхи?

Она обошла Чэн Лина несколько раз и затем спросила:

— Оказывается, Истинный огонь самадхи настолько силён, что даже Фэн Юэ не смог его остановить.

Три части невинности и семь частей замешательства — даже актёры в театре не смогли бы сыграть это лучше, чем она.

— У него есть Золотое ядро, защищающее его тело. Как Истинный огонь самадхи мог нанести ему такие ранения?

Чэн Сюнь фыркнул, его тон оставался резким, но в ответе не было намерения усложнять.

Для Чжун Минчжу этого было достаточно. Пока Чэн Сюнь мог ответить на её вопросы, она могла терпеть даже его ругань.

— Тогда, возможно, это Пятицветное яркое пламя? Но...

Она искусно нахмурилась и получила то, что хотела.

— Если я не ошибаюсь, это, вероятно, Текучий огонь земных жил, называемый Огнём бедствия.

— Огонь бедствия...

Чжун Минчжу тихо повторила, её тонкие брови слегка сдвинулись. На этот раз это была не притворная задумчивость, а настоящие размышления.

Это имя существовало только в легендах.

В древние времена, в эпоху хаоса, все существа сосуществовали, всё рождалось и умирало, войны и песни сменяли друг друга, роскошь и красота были настолько велики, что каждый миг был достоин воспевания поэтами. Но спустя десятки тысяч лет остались только свиток Хэту и свиток Лошу.

На Хэту изображена сцена, где огонь падает с небес — это был первый огонь, Небесный огонь.

Нюйва взяла Небесный огонь, чтобы выплавить Пятицветный камень, и с его помощью создала людей. Небесный огонь не угасал, и, чтобы не причинить вреда существам, Нюйва запечатала его в земных жилах. Позже земные жилы разорвались, и огонь вырвался наружу, почти уничтожив всё живое. Поэтому Текучий огонь земных жил также назывался Огнём, несущим бедствие, или Огнём бедствия.

Огонь бедствия произошёл от Небесного огня, но не был неугасимым. Люди, постигшие метод управления им, могли использовать его для своих нужд.

Говорили, что все могучие орудия древности были выкованы Огнём бедствия.

Поскольку это был не огонь, рождённый духовной силой, а огонь, существовавший в мире, но обладающий невероятной силой, он мог нанести такие ранения.

Это был Огонь бедствия, способный сжечь даже Золотое ядро, но она осталась невредимой.

Огонь, которым управляли практикующие, по сути, был обычным огнём, разница заключалась только в количестве духовной силы, заключённой в нём. Огонь бедствия был силён, но его было трудно контролировать, и он мог легко навредить самому пользователю. Давным-давно он остался только в записях. Если бы не напоминание Чэн Сюня, она бы подумала, что это какой-то уникальный метод, и никогда бы не догадалась, что это был Огонь бедствия.

Даже самое твёрдое красное золото превратилось бы в лужу расплавленного металла в Огне бедствия за несколько мгновений. Неудивительно, что в тот день Ли Ян была так удивлена.

Она повторяла это имя снова и снова, но, кроме полуправдивых записей, больше ничего не могла найти. Она хотела спросить Чэн Сюня ещё, но, подумав, решила, что лишние слова могут выдать её, и это будет проблемой.

Один только вид его сурового, неподвижного лица заставлял её не хотеть говорить больше.

Раньше она всегда жаловалась на Чан Ли, что она слишком строга, но теперь поняла, что её наставница, даже с каменным лицом, выглядела гораздо приветливее, чем этот свирепый старший наставник.

Наверное, потому что она женщина, и черты её лица были более мягкими. Выйдя из комнаты,

где Чэн Сюнь создал напряжённую атмосферу, и оказавшись под тёплыми лучами солнца, она бесцельно размышляла об этом, неосознанно рисуя в уме образ Чан Ли.

Внезапно мысль пришла ей в голову, настолько запоздалая, что она даже остановилась и замерла.

При первой встрече она почувствовала только холод от неё. Хотя они провели вместе много лет, она никогда не рассматривала Чан Ли внимательно. В её уме эта женщина в белых одеждах всегда была холодной и отстранённой, так что даже мысленный образ был наполнен жёсткими углами.

Без желаний, без эмоций, без стремлений. Даже если иногда проявлялось что-то ещё, это было мимолётно, как ветер, касающийся молчаливой ледяной горы.

Но сейчас, в тёплом ветре, согретом солнцем, она неосознанно нарисовала образ — лишённый тонкого слоя инея — невероятно изящный, с чертами лица, которые не были острыми, а скорее мягкими, как лёгкий туман под светом луны.

Она всегда знала, что Чан Ли красива, что она первая красавица в мире совершенствования, но это понятие в основном основывалось на бесконечных болтовнях Дин Линъюнь, которая постоянно напоминала ей об этом. Заранее настроившись на это, она не уделяла особого внимания внешности Чан Ли.

Раньше она думала, что Жо Е красивее Чан Ли, но теперь была не так уверена.

Наставница, Чан Ли.

Чан Ли.

Она протянула руку, кончиками пальцев нарисовала в воздухе несколько линий, оставляя за собой туман, похожий на духовную энергию, который сгущался и рассеивался. Чёрные волосы и белые одежды постепенно проявлялись по мере того, как она рисовала.

Она действительно не уделяла этому особого внимания, но, незаметно для себя, образ уже запечатлелся в её сердце. Рисуя по памяти, она даже не нуждалась в том, чтобы вспоминать.

Когда черты лица женщины в тумане постепенно проявились, она долго смотрела на них. Брови, уголки глаз, красная родинка на лбу — всё было точно таким, как в её мыслях, но всё же ей казалось, что чего-то не хватает.

В конце концов, это была лишь копия, а не оригинал.

Она опустила руку, и в её глазах появилась тень сожаления. Тонкий туман, созданный духовной энергией, рассеялся в лёгком ветре.

— Чан Ли...

Она тихо произнесла эти слова с удивительной нежностью.

Может быть, она что-то почувствовала, может быть, нет. Её сердце, как дым, поднялось высоко, а затем, словно привязанное к тяжёлому камню, погрузилось в бездонную пучину.

— Чан Ли.

Внезапно возникло сильное желание.

Она хотела увидеть Чан Ли.

Сейчас же.

В коридоре Дин Линъюнь, с хмурым лицом, держа в руках несколько нефритовых табличек, проходила мимо. Фэн Хайлоу поручил ей проверить дополнительные материалы, необходимые в ближайшие дни. Она всегда не любила такую бумажную работу, и, увидев Чжун Минчжу, её глаза загорелись, и она, не задумываясь, направилась к ней.

Она знала, что Чжун Минчжу хорошо справляется с такими задачами. По сравнению с одновременным управлением шестюдесятью четырьмя свитками Чжумин, проверка материалов была просто пустяком.

— А Чжу!

Она позвала, но та, похоже, о чём-то думала и не обратила на неё внимания. Дин Линъюнь с недоумением спросила:

— Что ты делаешь?

Во дворе была только Чжун Минчжу, но она, почему-то, задумчиво смотрела в одну точку, на лице её была лёгкая улыбка.

Эта улыбка была непохожа на всё, что Дин Линъюнь видела раньше.

Чжун Минчжу часто улыбалась — радостно, озорно, дерзко, злонамеренно. Дин Линъюнь видела много её улыбок, но та, что была на её лице сейчас, была настолько лёгкой, что её почти не было видно, но при этом она несла в себе совершенно иное чувство.

Ещё когда они жили на пике Минцзин, Дин Линъюнь знала, что внешность Чжун Минчжу, напоминающая благородную девушку, была всего лишь фасадом. Внутри она была на сто процентов вспыльчивой, временами резкой, временами язвительной, иногда хитроумной. В любом случае, она не имела ничего общего с мягкостью и нежностью.

Дин Линъюнь не раз видела, как Чжун Минчжу притворялась мягкой. Она от природы обладала лицом, вызывающим сочувствие, и, притворяясь слабой, она всегда добивалась успеха. Но если присмотреться, можно было заметить холодность и насмешку в её глазах.

Авторские комментарии, примечания, послесловия и благодарности отсутствуют.

<http://bllate.org/book/16292/1468681>